

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 12 (2327)

Суббота, 22 марта 1947 г.

Цена 50 коп.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

Великая Отечественная война выявила всесторонней проверкой жизнеспособности колхозного строя, его экономической и организационной мощи. Война с особенной ясностью показала, что колхозные формы жизни вошли в плоть и кровь советского крестьянина. Она продемонстрировала полное морально-политическое единство советского крестьянства с советским рабочим классом и советской интеллигенцией. Она с полной силой доказала превосходство советской системы сельского хозяйства, основанной на передовой науке и технике, над всякой иной системой.

В годы коллективизации, первый период колхозного движения, запечатлены в ряде значительных художественных произведений. Среди них такие книги, как «Поднятая целина» М. Шолохова и «Страна Муравия» А. Твардовского, «Бруски» Ф. Панферова, чудесная колхозная лирика М. Исаковского.

В предвоенные годы появляются рассказы В. Овечкина, сборники стихов А. Твардовского «Сельская хроника» и «Загорье», стихи А. Ишана, повести А. Тарасова и др., в которых писатели пытаются отразить те изменения в быту и психологии людей, которые произошли в результате социалистического преобразования сельского хозяйства. Война отвлекла писателей от колхозной темы. Но она не остановила, а только углубила и расширила процессы духовного роста масс колхозного крестьянства. Еще более интенсивной, созидательной жизнью живет мир колхозного крестьянства в наши исторические дни.

Война нанесла тяжелый урон сельскому хозяйству, особенно в районах, пострадавших от фашистской оккупации. Партия принимает решительные меры для быстрого восстановления и дальнейшего развития советского сельского хозяйства. Неустанный труд партии и лично товарища Сталина о могуществе социалистической родины и благосостоянии колхозного крестьянства со всей силой сказались в постановлении февральского Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Пленум ЦК ВКП(б) придает первостепенное значение делу скорейшего восстановления и подъема сельского хозяйства, как необходимому условию успешного развития всего народного хозяйства СССР и обеспечения дальнейшего материального благосостояния народа.

Решение февральского Пленума ЦК ВКП(б) — боевая программа борьбы за новые успехи колхозного строя. Подъем сельского хозяйства — кровное дело всего советского народа. Советские писатели в этом общенациональном деле могут и должны проявить свою инициативу, внести вклад в общенародное дело.

Перед советскими писателями встает ряд важнейших творческих задач, решение которых движет вперед нашу литературу, еще больше сближает ее с народом.

Первая из них — показать роль партии Ленина-Сталина — организатора всех побед колхозного строя. Партия изо дня в день направляет развитие колхозов, она выдвинула из своих рядов тысячи и тысячи талантливых организаторов сельского хозяйства. На первом этапе колхозного движения ими были посланы партии — двадцатипятилетки. Собирает образ такого организатора блестяще изображал Шолохов в образе Давыдова. Огромный авторитет и влияние партии в деревне выразились, в частности, в том, что число сельских коммунистов достигло 1.714 тысяч человек. Сельский коммунист — передовая фигура сегодняшней деревни. Сельские коммунисты выращены партией из среды самого колхозного крестьянства, они являются проводниками политики партии в деревне.

В советской деревне созданы кадры новой сельской интеллигенции. Они успешно овладевают высшими сельскохозяйственными науками, являются смелыми новаторами в науке, в областях техники и организации производства, труды некоторых отмечены Сталинскими премиями. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда, опубликованный на днях, отмечает этим высоким званием плеяду мастеров социалистического земледелия. Среди них и представители старшего поколения, как шестидесятилетний хлебороб-агтаец П. Барыков, и многие представители молодого поколения, как бригадир тракторной бригады П. Ангелина.

Благосостояние колхоза стало личным делом новых людей колхозного села. Это в их среде рождаются мысли о совершенствовании хозяйства, о более высокой основе. Беглые зарисовки представителей этих людей талантливо дал В. Овечкин в повести «С фронтовым приветом». Задача заключается в том, чтобы дать обобщающий образ большой художественной силы, способный служить примером для колхозного читателя.

Литература должна оплатить свой долг перед колхозницей, доселе не нашедшей

в ней почти никакого отражения. Еще очень мало общего с реальными станциями и колхозными организаторами имеют те образы колхозников, которые до сих пор появляются на страницах наших журналов. Советская литература может гордиться своими победами в изображении женщин-крестьянок. Это наша литература впервые в мире создала классический образ Аксиньи Астаховой, давно уже ставший в ряд с самыми поэтическими женскими образами, созданными русской классической литературой. Великий трудовой подвиг, свершенный женщинами на колхозных полях в дни Великой Отечественной войны, не может не вдохновить писателя на создание образа высоко поэтического.

Перед советскими писателями стоит ряд первоочередных задач, непосредственно связанных с проблемами восстановления и развития сельского хозяйства. Наши писатели еще не сумели с достаточной оперативностью откликнуться на неотложные задачи дня. Написанная год назад хорошая повесть А. Корнейчука «Презижаки в Звонковое», да небольшая повесть Н. Топкалова «Чарома» — вот и все, заслуживающее внимания, что пока имеет наша литература. А ведь герои «С фронтовым приветом», как мечтавшие о возвращении, так стескавшиеся по труду, уже скоро два года как работают в полную силу в родных колхозах! Они работают по-новому, принося с собой бесценный организаторский и деловой фронтовой опыт, который научил их тому, что не может, не должно быть отстающих колхозов, ибо не существовало в армии отстающих полков. И их опыт, сошедший с опытом тружеников и тружениц, работающих в тылу, принесет и принесит замечательные плоды.

Современная колхозная действительность предоставляет художнику огромный выбор тем, каждая из которых может послужить созданию пелого ряда произведений. Бесценно кануло в прошлое то, что Маркс называл «идиотизмом сельской жизни». В советском селе вырос новый человек — большой духовной красоты.

Могут и должны быть созданы в первую очередь художественные очерки о переломных людях социалистического сельского хозяйства. «Очерк у нас — большое и важное дело» (А. М. Горький). У очерка на деревенскую тему — большая и славная традиция. Русская литература по праву гордится такими мастерами, как И. С. Тургенев, Глеб Успенский. Очерк — необходимая ступень к созданию больших форм — повести, романа.

Правдиво и художественно изобразить современную колхозную действительность можно только при наличии глубокой реальной связи писателя с колхозами. Поездка писателя в колхозы, прямое участие в обеспечении партийно-политической работы во время проведения сельскохозяйственных кампаний, непосредственное общение с жизнью явятся первой ступенью на пути каждого литератора, вновь берущегося за эту тему, на пути к овладению новым материалом жизни, подскажут дальнейшие методы более глубокого проникновения в жизнь советского села.

Постановление февральского Пленума ЦК ВКП(б) дает громадный материал для плодотворной писательской работы, оно имеет прямое отношение к работе писателей в той же мере, как и к работе всех трудящихся. Оно призывает на решительную борьбу с проявлениями остатков буржуазной психологии, с нарушениями колхозной демократии. Писатели не могут пройти и мимо этих явлений, мимо нарушения Устава сельскохозяйственной артели — основного закона колхозной жизни.

Необходимо решительно бороться со всякими проявлениями литературной фальши в большой и ответственной теме, с ловко сплетенными повестками, в которых мужиковствующие колхозники повторяют азы первых лет коллективизации.

Новый человек советской деревни должен быть показан во весь рост, во всей его духовной красоте, возвышенный своим патристическим трудовым подвигом, титанической работой по ликвидации последствий войны. Труд — вот истинное мерило человеческой личности, ее духовной красоты. Земледельческий труд глубоко поэтичен. Эта его сторона получила отражение в лучших произведениях великих русских писателей, проникновенно знавших народную жизнь. Насколько же распахнуто эта поэтическое начало земледельческого труда теперь, когда власть земли сменилась властью над землей!

«Литература проводит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека» (М. Саттык-Шедри). Современная колхозная действительность так ярка и героична, что, внимательно изучая реальную жизнь, отбирая в ней ростки нового, советский художник может создать образы, возвышающие душу, поднимающие идейный и нравственный уровень многомиллионных народных масс. Именно таких образов ждет и требует от писателей наш народ.

Николай ВИРТА

На экране книга — летопись. Листается страница. Надпись:
— Начиналось легендарное сражение за Сталинград.
Перелистывается страница. Карта.

Диктор:

— Под ударами врага три советские армии отходили к внутреннему Сталинградскому обводу.
23 августа армия Паулюса вышла к Волге...

Германские пикирующие бомбардировщики над Сталинградом и Волгой.

Титр:

В тот же день германское командование бросило на Сталинград две тысячи самолетов.

Медленно разворачивается панорама горящего Сталинграда. Чудовищный пожар охватывает город.

Черными тучами висят над Сталинградом немецкие самолеты. Рушатся дома, словно факелы, пылают деревья, пепел и развалины на тротуарах и мостовых. Бегут к убежищам люди. Грохочут зенитки, вой бомб, разрывы.

Кровь, камень и железо на улицах Сталинграда.

Ветер треплет полуобожженное обращение Комитета Обороны города:

«Дорогие товарищи, родные сталинградцы! Не отходим родного города на поражение немцам. Встанем как один на защиту любимого города, родного дома, родной земли. Все на строительство баррикад! Сталинградцы! Возвратят баррикады на улицах города.»

Штаб Еременко в подземелье на реке Царица, известном под именем «Труба». Задыхаясь от дыма, проникающего сюда из Сталинграда, здесь сидят командующий фронтом Еременко, член Военного совета фронта Хрушев, нач. штаба фронта, Маленков и Васильевский. Слышен вой самолетов и грохот бомбовых разрывов в городе.

Еременко: — Дышать нечем.

Хрушев: — Напротив горит ватная фабрика.

Маленков: — Какими силами немцы провалили фронт?

Еременко: — 150 танков и мотопехота, товарищ Маленков.

Маленков: — А паники — словно прорвались две армии.

Ходит адъютант.

Адъютант: — Разрешите доложить: директива Ставки Верховного Главнокомандования.

Маленков (читает директиву): — «...У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшиеся противника. Собирайте авиацию обоих фронтов и навалитесь на него...»

Еременко (адъютанту): — Вызвать ко мне командующего восьмой воздушной армией товарища Хрюкина!

Адъютант: — Слушаюсь, товарищ командующий. (Уходит).

Маленков (читает): — «Мобилизуйте бронетанковую и пехоту их по круговой дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами и изобилием, чтобы ослепить врага...»

Еременко (своему начальнику штаба): — Распорядитесь.

Нач. штаба: — Слушаюсь, товарищ командующий. (Уходит).

Маленков (читает): — «Деритесь с прорвавшимся врагом не только днем, но и ночью. Используйте все артиллерийские и зенитские силы. Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранять уверенность в нашем успехе. Сталин. 23 августа.»

Звонок телефона. Еременко берет трубку.

Еременко: — Да. Еременко. Слушаю, товарищ Задорожный. Как танки?

Задорожный (читает): — Сейчас прямо мери... (кладет трубку). Директор тракторного завода Задорожный докладывает, товарищ Маленков, — танки немцев в километре от завода.

Маленков (встает): — «Едемте на Тракторный, Александр Михайлович».

Васильевский: — Товарищ Еременко, один полк дивизии НКВД дашь на защиту Тракторного. И выезжайте в части, товарищ командующий. Произведите перегруппировку, как мы условились. Без шума, без крика... Положение серьезное, но не отчаиваться. Искать меня следует на северном фланге. Я готов, Георгий Максимович.

Тракторный завод

Он — под обстрелом, но работа не прекращается ни на минуту. В цехах делают и ремонтируют танки. Один за другим уходят они с завода.

Во двор завода, навстречу танкам, выезжают две машины. В них Маленков, Васильевский, военные. Их встречает директор завода Задорожный.

Задорожный: — Товарищ Маленков, виноват. Немного подслазил панику. Истребительные части народного ополчения остановили танки противника.

Маленков: — Здравствуй, товарищ Задорожный! Очень хорошо, но положение тяжелое. Город открыт. 62-я армия отступает. Сюда к вам скоро придет полк НКВД, но этого недостаточно. Поднимайте народное ополчение!

Задорожный: — Есть, товарищ Маленков! (кричит). Объявить боевую тревогу!

Маленков: — Сколько у вас готовых танков?

Задорожный: — Шестьдесят, товарищ Маленков.

Маленков: — Скажите бойцов ополчения и в бой!

Раздается вой sireн. Из цехов во двор выбегают рабочие, на ходу надевая каски, оружие. Выползает танки. Рабочие-ополченцы садятся на них и уходят на фронт.

1 стр. Передовая. Новый человек советской деревни. Николай Вирта. Сталинградская битва (вторая часть сценария). Информация. На партийном собрании ЦСР СССР.

2 стр. Прославим тружеников колхозных полей. А. Макаров. Заявка на большую тему. Н. Замоскин. На передовой линии. Айбек. Неиссякаемый источник.

Д. Благой. Литература великой любви и великой ненависти.

3 стр. Новая сталинская пятилетка и литература. С. Марвич. Темы, подсказанные планом великих работ (заметки писателя). А. Адалис. Мысли о новом. Владимир Юрезанский. Роман о Днепрострое.

4 стр. Памяти Жан-Ришар Блока. Жан-Ришар Блок. Против «черной литературы». Р. Ким. Американские «просветители» в Японии или Премия кенгуру. А. Раскин. Литературные пародии. Информация. Дискуссия о современной поэзии.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Вторая часть
сценария

Чтобы написать этот сценарий, помимо научной исторической документации, я исследовал со многими участниками великой битвы: солдатами, офицерами, генералами и партизанами. Эти встречи были исключительно интересными, они дали мне не меньше материала, чем архивы. Рассказы участников битвы (вспомогательные до сих пор не записанные и бывшие, по преимуществу, тем золотым фондом, откуда я черпал приемыши брал все необходимое для сценария: этот фонд так велик, разнообразен и богат всякого рода деталями, характеристиками и пр., что лишь часть могла быть использована в сценарии. Его никак невозможно было уложить в одну серию, да вряд ли возможно будет уложить и в две, уже утвердившиеся на производстве серии фильма. И то, что включено в сценарий, и когда сяду за роман о войне и послевоенных годах.

В сценарии нет ни единого выдуманного действующего лица, нет и в выдуманных ситуациях. Сто действующих лиц будущего фильма — живые, почти все поныне здравствующие люди.

В центре сценария — товарищ Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

В сценарии — Сталин, чей гений ролей идею разгрома немцев под Сталинградом, когда половина мира не сомневалась в падении этого города: кто вложил в сознание людей операцию, пераживавшей и дерзостью замысла, и количеством средств, брошенных в битву; кто руководил сражением, беспрерывным и беспощадным в истории войн.

НА ВСТРЕЧУ ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Советский народ готовит достойно встретить знаменательную дату тридцатилетия первого в мире, могучего, победоносного социалистического государства. Великим творческим подъемом охвачена наша страна в исторические дни второго года сталинской послевоенной пятилетки. Славная инициатива героического Леопольда, выдвинувшего боевой лозунг — «выполнить план второго года новой пятилетки к 7 ноября» — выполняла вся многомиллионная армия участников Всесоюзного социалистического соревнования. На-д-л-х наши газеты опубликовали письмо товарищу Сталину от стахановца Запорожской, которые обещают выполнить годовые планы к 7 ноября. «И каждый из нас, — пишут строительно-строитель, в своем письме к вождю, — с гордостью скажет: «Я возрождал этот завод, здесь вложил часть моего труда на благо Родины, на счастье моего народа».

«Запорожстрой», — указывает «Правда», — является ударной стройкой второго года послевоенной пятилетки. Так же, как в годы первых пятилеток, вся страна строила «Магнитострой» и «Кузнецкострой», так и теперь слово «Запорожстрой» должно быть паролем боевой работы записки быстрого восстановления Запорожского металлургического завода».

Наша литература должна идти в ногу с народом, так же, как шла она вместе со строителями и новаторами, передовиками, запевалами соревнования, инициаторами новых и новых побед в незабываемые дни первых сталинских пятилеток, так же, как она побеждала вместе с

народом в дни Отечественной войны. Стройки новой пятилетки, ее герои, новые методы труда, новый облик советского человека, воспитанного нашей Родиной, которая под мудрым сталинским руководством прошла путь от отсталой аграрной страны до передовой социалистической индустриальной державы и благодаря этому смогла одержать всемирно-историческую победу над фашизмом, — все это должно быть глубоко освоено нашей литературой, подобно тому, как в свое время она освоила новаторские темы первых пятилеток. Для советских писателей, как и для всех строителей новой пятилетки, такие слова, как «Запорожстрой», должны стать паролем боевой работы, подобно тому, как слова «Магнитострой» и «Кузнецкострой» были поистине творческими паролем нашей литературы в годы первых пятилеток.

Послевоенный период принес новые талантливые произведения и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. В большинстве своем они посвящены воинским подвигам советских людей. Нет никакого сомнения в том, что у нас появятся еще немало замечательных произведений, посвященных легендарным героям Отечественной войны. Однако мы должны помнить о том, что в настоящее время наш народ ждет, чтобы писатели омыслили и обобщили громадный опыт, который народ приобрел в Великой Отечественной войне, чтобы описать и обобщили тот героизм, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны после изгнания врагов.

Мы должны поставить на службу этой задаче весь опыт, все традиции, все достижения советской литерату

туры за тридцать лет ее пути. Мы должны продумать, обобщить эти достижения, чтобы они помогли нам двигаться вперед общенародное дело — дело советской литературы. Пусть писатели старых поколений вспомнят свои поиски, трудности, удач и неудач в годы первых пятилеток. Что из найденного тогда пригодится теперь, что нужно пересмотреть или отбросить, чтобы создать новое? Пусть писатели молодого поколения продумают опыт советского индустриального и колхозного романа, рассказы, очерки, пусть они поделаются своими заботами, успехами, поисками на пути художественного освоения современности. Пусть второй год новой пятилетки, год тридцатилетия советской власти и советской литературы, станет годом решительного поворота литературы к темам восстановления и развития народного хозяйства, к огромным темам нового подъема и расцвета созидательного вдовнеенного труда советских людей во имя коммунизма.

Все вопросы, связанные с историей советской литературы за тридцать лет, должны изучаться нашими критиками и литературоведами не с ложноакадемическим безразличием, а в живой связи с сегодняшними задачами литературы, с сегодняшней творческой практикой. Только такая теория хороша, которая помогает идти вперед! Начиная с сегодняшних «Литературной газеты» материалы, связанные с задачами литературы в годы второй пятилетки и с проблемами творческой истории советской литературы за тридцать лет, редакция обращается к писателям, критикам, читателям с предложением принять участие в обсуждении этих вопросов.

А. АДАЛИС Мысли о новом

Как были исполнены когды-то эти два великодушных слова: «мысли о новом искусстве».

Верьшь журналы или сборники предположений о том, что такое искусство, — это дело писателей, а не читателей. Верьшь эти альманахи в претенциозных обложках, и там, глядишь, прокламируется некое «новое искусство».

Или загляните в журналы. Как легко в них бросались и бросаются этими двумя словами люди, у которых подчас «место души — пар» и вместо высокой душевной жизни — фрейдистский бред.

У них это называется поисками... «Поиски» формальных вывертов. Они сумели «обхватить» слова, дорогие сердцу подлинного художника.

Только наша эпоха доказала со всей ясностью, что новое искусство — в принципиально новом содержании.

Возможно, есть эстетствующие литераторы, которым кажется, что поиски стиля идут «по проторенному пути».

Трудно выдумать что-нибудь более неверное. Процесс этот идет у нас необычайно интенсивно, — но идет не по верхам явлений, а в их корнях — не на внешних, «кожных» покровах, а в самой крови, в мозге костей нашей литературы.

У них это называется поисками... «Поиски» формальных вывертов. Они сумели «обхватить» слова, дорогие сердцу подлинного художника.

Только наша эпоха доказала со всей ясностью, что новое искусство — в принципиально новом содержании.

Возможно, есть эстетствующие литераторы, которым кажется, что поиски стиля идут «по проторенному пути».

Трудно выдумать что-нибудь более неверное. Процесс этот идет у нас необычайно интенсивно, — но идет не по верхам явлений, а в их корнях — не на внешних, «кожных» покровах, а в самой крови, в мозге костей нашей литературы.

С. МАРВИЧ Темы, подсказанные планом великих работ

Передо мною рисунок из популярного журнала «Природа и люди» за 1914 г. Рисунок фантастический, изображен корабль среди льдов. Это — корабль будущего. При помощи какой-то непонятной машины и особого вещества, мною не растапливающего айсберги, он прокладывает себе дорогу к арктическим берегам Сибири. Так тридцать с лишним лет назад, вскоре после гибели Седова в за четыре года до удачного плавания судна «Медв», тысячу дней пробираясь по арктическим водам в Тихий океан, представлял себе путешествие по Северному морскому пути. Фантазия была беспочвенной, оторванной от науки. Да это и понятно, если вспомнить, что даже Нансен, авторитет которого был непререкаем, считал использование Северного морского пути иллюзией.

Прошла треть века. В «Законов о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.» в пункте 37, 2-го раздела сказано: «Завершить в 1950 году работы по превращению Северного морского пути в нормально действующую сухопутную магистраль».

Путь через Северный Ледовитый океан соединяет океаны Атлантический и Тихий. То, что ожившим людям прошлого казалось великопечной мечтой, становится реальностью. Нетрудно понять, какая это огромная, благодарная тема для советского писателя.

«Объективная Арктика», так назвал Борис Горбатов свою книгу, вышедшую еще до войны.

Сколько же надо было сделать в нашу социалистическую эпоху для того, чтобы пилебная зона, «ледяная пустыня», как ее называли в одной книге писатель-полярник, сошедший с Седова — Н. В. Пингвин, стала обжитой Арктикой.

Борис Горбатов — пионер новой темы. Тема эта далеко не исчерпана. Она лишь открыта перед читателем. То, что происходит в нашей социалистической Арктике, послужит основой для многих книг. А сколько других увлекательных книг могли бы создать писатели, изучая материалы пятилетнего плана! Многие в этом великом деле не заставляют нас вспомнить о мечтах великих людей прошлого и о смелых проектах, осуществившихся в нашу социалистическую эпоху.

Менделеев писал о «единой точке», которая положит конец варварской зависимости жилища или предприятия от своего отдельного источника энергии.

Недавно нам довелось побывать в населенном пункте Эстонии — Коктла-Ярве. Коктла-Ярве — мрачное название. В переводе с эстонского оно означает «гиблое болото». Теперь это место правильно называть новым социалистическим городом. Предание рассказывает, что поселенцы, оставленные здесь по приказу Петра I, начали складывать печи из желтогового, легкого, податливого, обработанного камня. К их ужасу, печи загорелись. Так были обнаружены горючие сланцы.

Коктла-Ярве всегда была глухим заброшенным местом. Поезд останавливался здесь на минуту, чтобы выбросить мешок с почтой. Эстонская буржуазия, которая, по саркастическому замечанию Виктора Кингисеппа, «тяготилась игом своей независимости», поспешила передать сланцевый бизнес иностранным концессионерам. Концессионеры не стали тратить в на передовую технику. Они навезли сюда устаревшее оборудование. В сочетании с дешевыми рабочими руками оно давало изрядный барыш. Так, в глубине буржуазной Эстонии появились маленькие Клондайки для иностранных капиталистов. Концессионеры хозяйничали хищнически. Самый ценный продукт переработки сланцев — горючий газ — они продавали по ветру. В государственные, где промышленность постепенно исчезала, эту энергию использовать было невозможно.

Граница 1920 года разделила сланцевый бассейн на два. Один из них был в наших руках. С. М. Киров, как известно, удерживал его неустанным вниманием. По его инициативе, в Ленинграде, области начали разрабатывать сланцы. После того как Эстония стала Советской республикой, два сланцевых бассейна снова слились в один.

Летом 1944 года части эстонского национального корпуса шли в рядях наступающей Советской Армии мимо Коктла-Ярве на Таллин. Среди эстонских стрелков были шахтеры со сланцевых разработок. Они видели, как горели подожженные немцами дом родного поселка, здания шахт, и дали слово вернуться сюда после войны возродить разработки.

А ровно через год, еще до окончания войны на Дальнем Востоке, Государственный Комитет Оборон, по предложению товарища Сталина, принял решение построить в районе сланцевых разработок Коктла-Ярве завод комбинат. Эта задача горела сильнее и величественнее, чем простое восстановление разрушенных немцами комбинат. Предстояло построить, не имеющий себе равных по профилю во всем мире, завод равных по профилю во всем мире.

В районе Коктла-Ярве создается «единая точка» того типа, о котором писал Менделеев. Завод охватит под землей Лепинград. Топка заменит тысячи вагонов с дровами и углем, тысячи цистерн с бензином, нефтью, мазутом. Она освободит армию лесорубов и грузчиков.

Вся деловая советская страна пришла на помощь Эстонии. На строительной площадке рядом с коренным жителем Коктла-Ярве можно увидеть уральца, шахтера из Подмосковья, из Донбасса, сибиряка. Донские шахтеры привезли в Эстонию невиданную здесь прежде врубку.

Мне пришлось слышать разговор донбассовца со старожилом. Приезжий шахтер доказывал частью словами, частью знаниями, что обесценил не очень хорошо, мало по-русски, давно проверенные, давно пережитые врубкой машины. Под копенушечкой врубкой машины. Под копенушечкой врубкой машины. Под копенушечкой врубкой машины.

Ничего. У нас тоже не в один день перешли на эту технику.

Август Юханович, вышедший врубку в работе, согласился с товарищем, но нерешительно высказал заискусство мысли:

Многие могут рассказать писателю колоссальные изменения в размещении производственных сил страны. Не только люди старшего поколения, но и те, кто начал свою сознательную жизнь в канун первой пятилетки, помнят, что промышленные районы лежали, как острова, в необжитой нашей стране. Таких островов было пять: Московская, Ленинградская, Ивановская области, Украина, Баку. Эти районы давали почти всю продукцию.

Уже до войны на нашей экономической карте не было таких изолированных островов. По всей стране выросли крепости социалистической индустрии. Но в течение послевоенной пятилетки удельный вес этих крепостей в советском хозяйстве меняется на наших глазах. Раньше Донбасс мы всегда ассоциировали с понятием «всесоюзная кооперация». И действительно, до 1941 года Донбасс давал три пятых всего угля.

Но теперь о Донбассе нельзя уже говорить, как о всесоюзной кооперации, — и это несмотря на то, что к концу пятилетки его продукция будет больше довоенной. В 1950 году пай Донбасса во всесоюзной добыче угля уже не превысит одной трети. На востоке страны растут угольные и металлургические районы. Там увеличиваются армии индустриальных рабочих, появляются новые города, новые поселки. Казах становится шахтером, узбек — каменщиком. Не пора ли писателю отправиться в эти края изучать их, как в свое время он изучал Донбасс?

Вель все эти районы, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

нии становятся не фоном, а как бы действующим лицом, порою центральным. Это лиризм наименьшего сопротивления. Такой прием может обеспечить повесть, роману, чистейшую жизнь в канун первой пятилетки, помнит, что промышленные районы лежали, как острова, в необжитой нашей стране. Таких островов было пять: Московская, Ленинградская, Ивановская области, Украина, Баку. Эти районы давали почти всю продукцию.

Уже до войны на нашей экономической карте не было таких изолированных островов. По всей стране выросли крепости социалистической индустрии. Но в течение послевоенной пятилетки удельный вес этих крепостей в советском хозяйстве меняется на наших глазах. Раньше Донбасс мы всегда ассоциировали с понятием «всесоюзная кооперация». И действительно, до 1941 года Донбасс давал три пятых всего угля.

Но теперь о Донбассе нельзя уже говорить, как о всесоюзной кооперации, — и это несмотря на то, что к концу пятилетки его продукция будет больше довоенной. В 1950 году пай Донбасса во всесоюзной добыче угля уже не превысит одной трети. На востоке страны растут угольные и металлургические районы. Там увеличиваются армии индустриальных рабочих, появляются новые города, новые поселки. Казах становится шахтером, узбек — каменщиком. Не пора ли писателю отправиться в эти края изучать их, как в свое время он изучал Донбасс?

Вель все эти районы, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Весь этот район, старые и новые, в том числе и славный Донбасс, решают вместе историческую задачу, поставленную перед советским народом товарищем Сталиным:

«Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Надо признать, мы еще недостаточно пристально изучаем все, что будет служить материалом для книг, в подлинном смысле этого слова, новых. Нередко любознательного писателя влечет к себе эскизы далеких окраин, будь то Крайний Север, таежная полоса, пустыни, горы. И тогда экзотические стороны жизни в его произведе-

Владимир ЮРЕЗАНСКИЙ

Роман о Днепрострое

Я написал о Днепрострое роман «Покорение реки». Почти полторы тысячи дней и ночей это строительство со всем его сложным человеческим трудом жило во мне. Оно охватило мое существование новым светом. Днепрострой стал моей личной судьбой, одним из самых главных этапов моей биографии.

И вот, после потрясенной войны, в конце декабря 1946 года, я снова приехал на берега Днепра, где до немого ошеломления величайшая из европейских гидростанций мощным гулом оглашала степь. Там уже тридцать четыре месяца шли восстановительные работы, многое было расчищено, поднято, возведено вновь, но следы разрушений еще были в глазах. У меня остановилось дыхание, когда я увидел расклеванный немцами артиллерийскими снарядами дворец главного управления строительства — черные руины величественного неоготического здания — и берега, заваленные нагромождениями бетонного лова. Все, что изумало и восхитило воображение в годы работы над «Покорением реки», — все подверлось дьявольскому уничтожению. Ошеломительное чувство крушения не только бесполодных созданий гидротехнической мысли, но и крушения моей жизни охватило меня.

Начальник строительства Федор Георгиевич Логинов показал мне фотографии Днепростроя после изгнания немцев. Восторг, прекрасного зрелища гидростанции и уцелевшего человеческого — искаженного, потупившего, чудовищного, покореженного железный скелет, голый и черный, с безобразно спутанными переплетениями, торчавшими на фоне неба. Страшные видения возникали одно за другим: куски генераторов, турбин, напоминающие гигантские позвоночные существа, горы бетона, туфа, гранита, песчаника, речных валунов, узлы арматуры, конструкций, толстые стальные балки, пролома плотин, разрывы шлюза, — искаженные шлюзовые ворота, зияющие бездны на месте строгих сооружений, кратеры.

Эта карта была величайшей в занавес Большого театра. И когда зажигались все огни, делегаты с'езда встали и запели гимн в честь грядущего. Об этой сцене, как известно, рассказав в своей книге «Большой конвейер» Яков Ильин.

Так было восемнадцать лет тому назад. А теперь у нас уже пишут, пока еще кратко, о том, что появилось или появилось на карте в время новой сталинской пятилетки. Все это составляет основу интересной книги о том, как волшебное преобразование географическая карта социалистической державы.

Я написал о Днепрострое роман «Покорение реки». Почти полторы тысячи дней и ночей это строительство со всем его сложным человеческим трудом жило во мне. Оно охватило мое существование новым светом. Днепрострой стал моей личной судьбой, одним из самых главных этапов моей биографии.

И вот, после потрясенной войны, в конце декабря 1946 года, я снова приехал на берега Днепра, где до немого ошеломления величайшая из европейских гидростанций мощным гулом оглашала степь. Там уже тридцать четыре месяца шли восстановительные работы, многое было расчищено, поднято, возведено вновь, но следы разрушений еще были в глазах. У меня остановилось дыхание, когда я увидел расклеванный немцами артиллерийскими снарядами дворец главного управления строительства — черные руины величественного неоготического здания — и берега, заваленные нагромождениями бетонного лова. Все, что изумало и восхитило воображение в годы работы над «Покорением реки», — все подверлось дьявольскому уничтожению. Ошеломительное чувство крушения не только бесполодных созданий гидротехнической мысли, но и крушения моей жизни охватило меня.

Начальник строительства Федор Георгиевич Логинов показал мне фотографии Днепростроя после изгнания немцев. Восторг, прекрасного зрелища гидростанции и уцелевшего человеческого — искаженного, потупившего, чудовищного, покореженного железный скелет, голый и черный, с безобразно спутанными переплетениями, торчавшими на фоне неба. Страшные видения возникали одно за другим: куски генераторов, турбин, напоминающие гигантские позвоночные существа, горы бетона, туфа, гранита, песчаника, речных валунов, узлы арматуры, конструкций, толстые стальные балки, пролома плотин, разрывы шлюза, — искаженные шлюзовые ворота, зияющие бездны на месте строгих сооружений, кратеры.

Эта карта была величайшей в занавес Большого театра. И когда зажигались все огни, делегаты с'езда встали и запели гимн в честь грядущего. Об этой сцене, как известно, рассказав в своей книге «Большой конвейер» Яков Ильин.

Так было восемнадцать лет тому назад. А теперь у нас уже пишут, пока еще кратко, о том, что появилось или появилось на карте в время новой сталинской пятилетки. Все это составляет основу интересной книги о том, как волшебное преобразование географическая карта социалистической державы.

